

Автор: Обсудим?
25.05.2019 00:12

Статья в "[Literratypa](#)" (№ 138, май, 2019).

Евгения Вежлян

ЛИТПРОЦЕСС КАК ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ТЕПЕРЬ ТАКАЯ СКУЧНАЯ

Галина Юзефович недавно обронила в своем Фейсбуке что-то по поводу журнальных критиков, которые любят писать про «несуществующий литпроцесс». Сначала я возмутилась, но по размышлении зрелом, поняла, что она права. Литпроцесс - умер. И потому так малолюдны литературные дискуссии, потому литературные вечера, похожи на «шефский концерт в доме престарелых», как написала как-то с горечью и тоже в фб не Галина Юзефович, а другая критикесса. Одна за одной исчезают знакомые институты, возникшие в 90-х: «Журнальный зал» и «Арион», премия «Поэт» и «Букер», и даже с институтами генерации 2000-х не все слава богу (впрочем, «Транслит» выжил и это радует). Все, к чему привык «литературный человек» за почти тридцать лет существования «новой литературы», что составляло его идентичность и обозначалось словом «литпроцесс» - обесточилось и поухло. Эту заметку я хочу посвятить памяти литпроцесса. и самого слова, и того, что им принято было называть.

Само словосочетание возникло в XX веке, по всей видимости, в годы «великого перелома» для закрепления за литературой ее статуса фабрики, где инженеры-писатели перековывают человеческие души. Затем оно «выбилось» в термины и начало обозначать (и до сих пор обозначает в отечественных учебниках по теории литературы), с одной стороны - некоторую гегельянскую конструкцию законосообразного изменения литературы (но не «литературную эволюцию» в тыняновском смысле), а с другой - примерно (но не в точности) то, что русские формалисты называли «литературным бытом» - событийную, «рабочую» изнанку литературы, посредством которой эта самая «литература» и производится - как конечный «продукт» производится в цеху завода, или как спектакль производится в закулисы театра (о том, насколько сильна была эта

метафора свидетельствует тот факт, что даже Ходасевич, уже в эмиграции, пишет о Пушкине «вдохновение созидает в душе целый завод», далее см. [здесь](#) . Но вот что парадоксально: при всей «производительности» языка описания, это «производство» было чем угодно, но только не индустрией. Конечным продуктом была сама литература - как некоторая цельность и одновременно ценность. Позднесоветский литпроцесс был тем странным социальным механизмом, в котором власть участвовала в выработке субстанции чистой литературности - посредством делегирования части себя писателям, а писатели - (вос)производили эти властные отношения в собственной среде, конфигурируя ее, ранжируя «ряды» («первый» - «второй») и выявляя «доминанты». Этот механизм одинаково работал как для легитимных писателей, в «шапках» и при привилегиях, так и для авторов самиздата. Только во втором случае власть давалась энергией отрицания, вырабатывался «минус-заряд». «Литература» была одновременно и местом работы (легитимным или нет) и утопией, потому что мыслилась как тотальность, как единичное и о(т)граниченное пространство.

В девяностые власть из литературы ушла, а утопия литературы - осталась. А с ней - и «литпроцесс» как концепт, определяющий идентичность литератора и его способ действий. Для авторов моего поколения быть литератором - значило участвовать в литпроцессе, активно в нем «присутствовать», быть специфически «подключенным» к электричеству литературной жизни: ходить в салоны на бесконечные вечера, читать или слушать, болтать о делах литературных или просто - ни о чем. По вторникам были «авторники», где молодые поэты то читали стихи, то говорили о назревающем постконцептуализме, в среду Игорь Сид собирал всех в Крымском клубе, где литературная жизнь приобретала совсем новые и экспериментальные формы, четверги проводились в «Классиках XXI века» у Лены Пахомовой, а пятницы были отданы общению с Георгием Баллом и Генрихом Сапгиром в Георгиевском клубе у Михайловской.... И в салонах 90-х, и в «кафэйных» 2000-х каждый из этих вечеров казался, да и был чем-то крайне важным, что нельзя пропустить, каждый воспринимался как событие внутри истории некоторого целого - той самой «литературы», которая теперь была равна «сообществу». Чтобы быть «поэтом» достаточно было просто читать на вечерах, не заботясь о публикациях, которые, в свою очередь были производной от чтения на вечерах. Вырабатываемая «литпроцессом» в этом его изводе конфигурация литературы была архаичной и заставляла вспомнить пушкинскую эпоху с ее салонами и аристократическим пренебрежением материальной стороной дела и публикой. «Майнстрим» (образуемый постсоветским литературным истеблишментом старшего поколения) в этом был вполне похож на ориентированный на литературную молодежь салонный постандеграунд. За исключением одного: внутри майнстрима возникла мысль, что «литпроцесс» - это медиум-регулятор между «литературой» и книжным рынком. Именно из этих двух компонент и состояла деятельность, например, Русского Букара: «аристократическая» закрытость а ля Нобелевский обед (но, однако, не подкрепленная, как в Швеции, монаршим присутствием как единственно возможной символической легитимацией аристократизма - за неимением монархии) и упор на наиболее востребованный книжной индустрией жанр - роман, но в его традиционно -классических границах. В этой новой модели литературной коммуникации «литпроцесс» был инстанцией экспертности, но при этом эксперт должен бы быть одновременно и куратором - «литературтрегером». В очередной дискуссии о роли толстых журналов, в

Автор: Обсудим?
25.05.2019 00:12

начале 2000-х, Наталья Иванова высказала мысль, что ТЖ в России играют роль несуществующих литературных агентств. На тот момент это почти так и было. Институциональная поломка «литературы», в основе которой была ее архаизация, порождающая «неотчуждаемость» текста» и депрофессионализацию автора, приводила к нерасчлененности ролей.

И эта стратегия литературных сообществ была вполне оправдана: ей нечего было противопоставить. Книжный рынок был все еще слаб, а место на нем современной русской литературы все еще не было четко определено. Публика предпочитала переводную литературу и классику. Литературная экономика определялась совпадением ареала «производителей» и «потребителей», и потому функционировала как символическая, иначе говоря - престиж, символическое признание «профессионалов», в некотором смысле заменяло прибыль. Своеобразие ситуации подчеркивалось еще и тем, что одновременно шли два взаимоисключающих процесса: на новых условиях возрождалась книжная индустрия и - с распространением интернета и возникновением соцсетей - происходила медиатизация текстовых практик (я специально не употребляю слово «литература», потому что странно было бы употреблять это слово, если текст, который я пишу, посвящен тому, что она стала чем-то другим). С одной стороны, читательская среда становилась все активнее, а с другой - лавинообразно интенсифицировался книжный поток. Встреча этих двух процессов в соцсетях задала новый «горизонт событийности» для «литературы». У этой событийности - своя, отличная от долгого времени истории литературы, на которое был ориентирован предыдущий период, «темпоральность», определяемая режимом существования «ленты новостей» в социальных сетях, ее короткой памятью (в ленте все живет, пока не «засыпалось»). Единственное средство эту память продлить - это диалог: сетевой спор, книжное обсуждение, премиальные дебаты (замечу в скобках, что именно те премии, в которых присутствует открытая дискуссия, например «Нацбест» и «Нос», сейчас смотрятся наиболее живыми, а время закрытых директивных «инстанций вкуса», видимо, заканчивается). Этот режим существования текста не знает «истории» с ее большими сюжетами, сопротивляется любой канонизации. Автор существует как цикл «обновлений» и «репостов» (отзывов и обсуждений), живет, пока о нем говорят (выделено - Stihi.lv).

И вот тут в игру вступает эксперт. Но не автор, как предполагалось в эпоху «литпроцесса», а эксперт - читатель, культуртрегер в настоящем смысле слова - тот, кто пропускает через себя книжный поток и организует читательский диалог (систему «репостов»). Каждый такой диалог, безусловно, событие. Оттого сейчас читательские встречи так популярны (впрочем, как и лекции о новых книгах). И оттого же так мало насыщены энергией встречи с авторами. И особенно - встречи авторов друг с другом. Увы, увы...

Многое, очень многое поменялось в последние лет пять. Например, больше не кажется убедительным рассуждение в духе «на моем вечере было два слушателя, но зато оба - поэты!», впрочем, как и восклицание «кто все эти люди», столь распространенное в 2000-е. Читатель - нет, вовсе не «массовый», а умный, понимающий, тонко чувствующий, знакомый или безымянный, близкий или далекий - сейчас, несомненно - основная инстанция пресловутого «приращения смысла», как раньше этой инстанцией был автор. Именно ему мы объясняем что происходит в литературе (если мы по-прежнему считаем

Автор: Обсудим?
25.05.2019 00:12

литературой производство и потребление текстов) и что за этим кроется (что я, собственно, сейчас и делаю). Поэт по-прежнему - орудие языка, но у поэзии и - шире - у литературы нет больше монополии на язык. Выражение «русский литературный язык» как синоним языка национального - стремительно устаревает, как и метафора «литературного процесса» - для обозначения закулисья или цеха, где втайне от непосвященных делается литература. Литература, как и язык, принадлежит всем и создается здесь и теперь любым говорящим человеком. Концептуалистская культура назначающего жеста постепенно побеждает культуру канонизации: литературой становится то, что в качестве таковой обсуждается и бытует. У каждого есть право на мысль и высказывание и каждый потенциально способен понять то специальное, что необходимо для осуществления такого права

. В этом смысле вербатим и популяризация растут из одного корня.

Понимать, слушать и объяснять - гораздо интереснее, чем управлять, раздавать места и выстраивать иерархии

(выделено - Stihi.lv)

.

Итак, постсоветский литературный проект - закончился. Литпроцесс как производство «литературы», кажется, больше не вернется (хотя в стране суверенного интернета - кто же может загадывать и строить прогнозы), на смену ему приходит производство не литературы, но - текстов (и как индустрия, и как просьюминг) и их интерпретаций. Ну и славно.

Евгения ВЕЖЛЯН

литературный критик, доцент РГГУ

Читать в журнале [Литerrатура](#) .

Литература » Литературная критика номера » Евгения Вежлян. ЛИТПРОЦЕСС КАК ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ТЕПЕРЬ ТАКАЯ СКУЧНАЯ

Евгения Вежлян. ЛИТПРОЦЕСС КАК ЕГО БОЛЬШЕ НЕТ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ТЕПЕРЬ ТАКАЯ СКУЧНАЯ

Галина Юзефович недавно обронила в своем Фейсбуке что-то по поводу журнальных критиков, которые любят писать про «несуществующий литпроцесс». Сначала я возмутилась, но по размышлении зрелом, поняла, что она права. Литпроцесс - умер. И потому так малолюдны литературные дискуссии, потому литературные вечера, похожи на «шефский концерт в доме престарелых», как написала как-то с горечью и тоже в фб не Галина Юзефович, а другая критикесса. Одна за одной исчезают знакомые институции, возникшие в 90-х: «Журнальный зал» и «Арион», премия «Поэт» и «Букер», и даже с институциями генерации 2000-х не все слава богу